

УДК 811.161.1'37:398

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-64-74

Русская лексика рекрутской обрядности в языке и фольклоре (на материалах XX–XXI вв.)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»)*

Юлия Сергеевна Чернышева

научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований Пермского федерального**исследовательского центра Уральского отделения РАН**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. yulyachernysheva99@gmail.com

SPIN-код: 1469-5611

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

ResearcherID: AEN-0642-2022

Иван Александрович Черных

научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований Пермского федерального**исследовательского центра Уральского отделения РАН**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. cher-ivan-cher@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-5512>*Статья поступила в редакцию 22.07.2022**Одобрена после рецензирования 17.09.2022**Принята к публикации 21.09.2022***Информация для цитирования**

Чернышева Ю. С., Черных И. А. Терминология рекрутской обрядности в языке и фольклоре (на материалах XX–XXI вв.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 64–74. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-64-74

Аннотация. В статье представлен анализ русской лексики рекрутской обрядности в языке и фольклоре на материалах XX–XXI вв. В отечественной науке этот пласт лексики практически не изучен. Целью работы является рассмотрение истории возникновения слов *рекрут*, *некрут* и особенностей бытования лексем, обозначающих молодого человека, уходящего в армию, и его жену (невесту). Хронологический подход исследования позволяет проследить бытование терминов рекрутской обрядности с момента их появления в языке и фольклоре в XVIII в. до настоящего времени. Анализ выполнен на основе данных фольклорных источников, полевых материалов этнографических экспедиций, официальных документов и художественной литературы.

Весь массив лексики был разделен на четыре тематических блока: 1) анализ слова *рекрут* и его производных в языке и фольклоре; 2) анализ слова *солдат* и его производных в языке и фольклоре; 3) анализ лексем, обозначающих жену (невесту) ушедшего в армию; 4) анализ других лексем, обозначающих ушедшего в армию. В первом блоке рассматривается этимология слова *рекрут* и производных от него слов, особенности бытования этих лексем в русских говорах и фольклорных источниках. Второй блок содержит анализ слова *солдат* и устойчивого выражения *уходить / отдавать в солдаты* на примере фольклорных текстов. В третьем блоке рассматриваются лексем, обозначающие жену (невесту, вдову) солдата в русских говорах. В четвертом блоке приведены другие лексем, обозначающие ушедшего в армию, – *призывник*, *новобранец* и пр., и особенности их употребления в Советской России.

Ключевые слова: русские говоры; рекрут; некрут; солдат; рекрутский обряд; проводы в армию; солдатка.

Введение

В отечественной науке вопросы терминологии семейной обрядности представлены большим объемом исследований. В частности, ряд статей, диссертаций, словарей, монографий посвящены лексике свадебной [см.: Ларина 1995; Гура 1978; Финько 2015 и др.] (ЭССТСП) и похоронной обрядности [Королёва, Брюханова 2018; Гаврилова 1997 и др.] (СМЛФ). В то же время терминология рекрутского обряда до настоящего времени остается малоисследованной. В данной работе авторы попытались объяснить этимологию и особенности бытования в языке и фольклоре некоторых терминов, обозначающих молодого человека, уходящего в армию или на войну, его невесту (жену, вдову) и период перед отправкой на службу.

Слово *рекрут* и его производные в языке и фольклоре

Практически повсеместно в русских говорах молодого человека, уходящего в армию, называли *рекрут* (или *некрут*). Это слово употреблялось в дореволюционный период и сохранялось до конца XX в. Например, в Солигаличском уезде Костромской губернии «...даже девицы на беседах отдают предпочтение *рекрутам*, как бы желая заставить их забыть о предстоящей службе: чаще с ними танцуют, чаще вызывают ходить по кругу» (РК 1, 302). В Белозерском уезде Новгородской губернии «перед отъездом *некрута* в город для вынуждения жеребья вся семья садится на лавку, встаёт и молится Богу» (РК 7 (1), 231). Так же называли уходящего в армию молодого человека в 1960–1970-е гг. в с. Четырчи Чистопольского района Республики Татарстан: «Так же, как гуляли престольный праздник – так и в армию провожали. Ну у этого, у солдата гуляли. [Как звали призывника?] *Некрут*» (Архив), в то время как в Вышневолоцком районе Тверской области замечали, что «*некрут* – в дореволюционное время – солдат-новобранец, рекрут» (снт. Мстино Вышневолоцкого района Тверской области) (ТСГТО 4, 64). А в с. Тюинск Октябрьского района Пермского края, рассказывая о проходах в армию 1996 г., информанты вспоминали: «Как их называли-то... Юра, как называли, кто идет в армию-то? – Да *некрут*, кто. – *Некрут* вот, звали *некрут*...» (ПМ 2018).

Этимология слова *рекрут* и связанных с ним слов *некрут*, *лекрут*, *ре/не/лекрутить(ся)* остается дискуссионной. Согласно этимологическому словарю Макса Фасмера, *рекру́т* (народное *некрут*), форма с ударением на начале, проникает в русский язык «через польск. *rekрут*, с ударением на конце – из нем. *Rekrut* от франц. *recrue* «новобранец», *recruter* «набирать войска» [Фасмер

1987: 465]. Поскольку по указам Петра I «в 1699 году было сформировано двадцать-девять регулярных полковъ по образцу Нѣмецкому» [Корсунов 1850: 77], то набирались в них не просто *солдаты*, а именно *рекруты*. Хотя слову *рекрут* понадобилось шесть лет, чтобы закрепиться в терминологии официальных документов в качестве синонима слову *солдат*. К уже упомянутому указу от 20 февраля 1705 г. прилагаются «Статьи, данныя Стольникамъ о сборѣ даточных *солдатъ* или *рекрутъ*» [Полное собрание 1830: 292], в самом тексте статьи слово *рекрут* не употребляется ни разу, но факт появления его в названии приказа говорит о заимствовании его в русский язык. Еще одно официальное употребление слова *рекрут*, согласно сведениям НКРЯ, впервые фиксируется в «Истории Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)» под авторством А. М. Маркова. Описывая воинские наборы 1699 г. для похода на Азов, автор замечает: «Афицеры во всех тех дивизиях в то же время из дворян набираны и учтены, и тако удивительно сей корпус был, понеже как афицеры, так и салдаты, все дволетние суть были *рекруты*» [История Свейской войны 2004: 82]. В этом случае, скорее всего, слово *рекрут* не выступает синонимом слову *солдат*, а обозначает новобранца (поскольку дальше автор неоднократно перечисляет «солдат и рекрут», как в этом случае: «в Орше оставили командиром поручика от гвардии Норова и с ним старых *салдат* человек тридцать и несколько десятков *рекрутъ*» [там же: 124]).

Скорее всего, слово *рекрут*, впервые упомянутое в указе Петра I от 20 февраля 1705 г. (см.: «О наборѣ рекрутъ, съ 20 дворовъ по человѣку, отъ 15 до 20 лѣтъ возраста» [Полное собрание 1830: 291]), стало массово употребляться и в некоторых случаях перешло в форму *некрут* в процессе диссимилиации [Жеребило 2010: 95]. У слова *рекрут* заменяется первая согласная как результат диссимилиации первого звука [р] *р...р* > *н...р* (по этому же принципу *прорубь* – *пролубь* (СРГК, 85)) *р...р* > *р...л*). Сказать точно, когда процесс диссимилиации начался и почему в каких-то населенных пунктах бытовала форма *некрут*, а в каких-то *рекрут* (зачастую обе одновременно), не представляется возможным. Однако самым ранним источником (согласно данным НКРЯ), в котором фиксируется форма *некрут*, является художественное произведение Н. В. Кукольника (1841 год). В произведении «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно» провинившихся крестьян наказывают, отдавая в солдаты: «Всех свяжи, да в острог, а завтра всех четырех отвези в Кострому прямо в воеводскую канцелярию. Завтра в провинции *некрутов* прини-

мают. – В солдаты! – завопил Иван...» (НКРЯ). В говорах разных регионов России кроме *некрут* (АОС, 104; СУЧГ, 58; СВГ 1990, 95) встречается ещё одна форма – *лекрут* (АС, 505; СУЧГ, 69). Последняя также возникает в процессе диссимиляции от *рекрут*, однако имеет меньшее распространение: «В севернорусских говорах нередко можно наблюдать замену фонемы “р” на фонему “л”. Вероятно, иногда она вызвана индивидуальными произносительными особенностями, а иногда основана на диссимиляции одного из двух “р”, находящихся в одном слове <...> *лекрут* – *рекрут*» (СРНГ 2005, 5–6).

Существует и другая точка зрения, объясняющая возникновение формы *некрут*. Ж. В. Кормина, анализируя этимологию слова *некрут*, приходит к выводу, что одно из основных значений данного слова, «образованного от корня *-крут-*, связано со специальным, обрядовым переодеванием, которое приводит к смене статуса персоны. Если предположить, что в слове *некрут* не воспринимается носителями языка как префикс со значением отрицания, в семантике этого слова можно предположить значение отсутствия статуса, указания на лиминальность» [Кормина 2005: 73]. Также исследовательница ссылается на статью Н. В. Крушевского о народной этимологии и соглашается с выводом, что «непонятное русскому народу слово *рекрут* ассимилируется к категории слов с префиксом не- (например *нехрист*) и получает *некрут*» [там же: 73].

Слова *рекрут* и *некрут* (реже *лекрут*) можно назвать самыми распространенными терминами, обозначающими призывника со времен рекрутской повинности до середины XX в. Употребление этих лексем фиксируется и в фольклорных источниках разного периода, что говорит об устойчивости их бытования в народной культуре.

«Брейте, брейте, *рекрутовъ*,
Брейте по порядку.

А мово-то милова
Оставьте на поглядку»
(Тобольская губерния);

«*Рекрута, рекрута*,
Черные папахи!
Вась забреють, увезутъ,
Останутся дѣвахи»
(Иркутская губерния) (ВЧ, 500–501).

...«Отпирай жена, широкия ворота!
Я не воръ пришелъ, не разбойничекъ зашелъ!
Я зашел, пришелъ распроститися съ тобой!
Изъ утра меня, женка, въ городъ повезутъ:
Во молодые во *некрутики* везутъ»
(Олонецкая губерния) (ВНП, 408).

«Мы, *некрутики*, не люди,
Нась и дѣвушки не любятъ,
Про насъ слава и почеть:

Называютъ бритый чортъ»
(Тверская губерния);

«Какая острая пила
Въ елочку впилася?!
Какая дурья голова
Въ *рекрутика* влюбилася?!»
(Вологодская губерния) (СДЧ, 469).

«Вы гуляйте, некрута, забретье головушки.
Не видать вам, *некрута*, родимые сторонущи»
(Пермский край) (КСТ, 101).

«...Ах, Сормовска больша дорожка,
она слезами улита,
Она слезами улита, да,
по ней ходили *рекрута*...»
(Республика Татарстан) (Архив).

Ж. В. Кормина отмечает, что маркером наступления ритуального времени служит прежде всего начало специального именованья героя обряда [Кормина 2005: 71]. Данное высказывание подтверждается тем, что молодому человеку, который приобретает статус рекрута, позволено поведение, выходящее за рамки «нормального» / «привычного» в общине. Такое поведение, когда молодые люди накануне призыва начинают гулять, отдыхать и веселиться, выражается производными формами *некрутить(ся)*, *рекрутить(ся)* и наиболее частым обозначением – *гулять*: «Парни, бывало, у нас *некрутились* по несколько дней» (д. Нестерово Сокольского района Вологодской области) (СВГ 1990, 95). «В некруты-ти? *Некрутились* вот солдаты-ти, так до нас – мы маленькими были» (д. Гридино Вожегодского района Вологодской области) (СВРГ, 294). П. И. Юшков, описывая обычаи проводов рекрута в с. Медянка Уинского района, отмечает: «Уже за несколько лет до призыва пользовался в своей семье некоторыми поблажками: его получше одевали, подольше давали поспать по-утру; мать старалась угостить его лучшим куском, любимым кушанием и т. д. Но еще большей свободой, большим уважением в своей семье и даже среди соседей пользовался он в последний год до призыва. Тогда он мог ходить куда захочет, не являться домой до утра, не стесняясь мог выпить каждое воскресенье, каждый праздник. А когда уже кончалась страда, тогда рекрут уже начинал *гулять* во-всю, т. е. пить с товарищами в складчину, пить в гостях у родни совей иди же у родни товарищей, пить у друзей и соседей» [Юшков 1926: 28]. Рекрутские гуляния отмечаются во всех источниках, подтверждаются они и полевыми материалами: «Кому осенью-то идти, дак они всю осень по деревне ходили из избы в избу» (д. Н. Семенцы Ильинского района Пермского края) [Черных 2001: 142]. В говоре д. Горюдок Таборинского

района Свердловской области словом *лекрутить* обозначается праздный, разгульный образ жизни, а *лекрутом* называют пьющего, гулящего человека: «Я лекрут-то такой в молодости был! *Лекрутом* зовут, коли гуляет да, вино пьёт. Раньше, когда в армию собирались – лекрутили. Да сейчас *лекрутят* – гуляют, вино пьют» (СГРС, 63). Такое поведение никак не возбранялось, более того, поддерживалось односельчанами. В Вологодской области зафиксирован еще один специальный термин, обозначающий гуляния перед уходом в армию, – *некрутиши(ж)ник*: «Как узнают, когда будут брать, вот и соберут *некрутишник*» (д. Подволочье Великоустюгского района Вологодской области); «Ране всю деревню на *некрутижник* звали» (д. Верхнее Якутино Великоустюгского района Вологодской области) (СВГ 1990, 95). Термин *гулять / погулять* в отношении призывника бытует до настоящего времени («Ну понятно, что перед армией все хотят какое-то застолье, *погулять*, на тусовки сходить, подвигаться куда-нибудь» (ПМ 2021)), в то время как слова *некрутить(ся)*, *рекрутить(ся)* выходят из употребления вместе с *рекрут*, *некрут*.

Слово *солдат* и его производные в языке и фольклоре

Ещё один широко распространенный термин, которым называли уходящего в армию парня, – *солдат*: «*Солдат* смотрит в печку, чтобы печка ждала его» (д. Лопва Юрлинского района Пермского края) [Бахматов и др. 2008: 25]. «Провожать в армию *солдата* – «Последний денёчек» [пели]» (с. Никольское Лаишевского района Республики Татарстан) (Архив). Данная лексема зафиксирована и в дореволюционных публикациях: «В нашей местности у крестьян положение сына-*солдата* точно такое же, как и других сыновей» (Жиздринский уезд Калужской губернии) (РК 3, 61); «В *солдатах* служить теперь, говорят знающие мужики из запасных, не тяжело, особенно, если человек грамотный или научен какому-нибудь ремеслу» (Череповецкий уезд Новгородской губернии) (РК 7 (2), 37); «На «веселых» вообще во всяких гуляниях *солдат* первое лицо» (Вельский уезд Вологодской губернии) (РК 5, 239).

В фольклорных текстах – частушках, песнях, плачах – и словарях различных русских говоров зачастую встречаются и производные формы от *солдат*, например *солдатчина* (т. е. служба в армии, набор в солдаты): «Нынѣшний годъ была *солдатчина*» [Бурнашев 1844: 226], *солдатёнок* (сын солдата), *солдатняк* (солдат) Всего в СРНГ насчитывается 26 однокоренных слов, образованных от лексем *солдат* и связанных с ней по

смыслу (СРНГ 2005, 255–258). Особенно стоит отметить устоявшуюся форму *взять / отдавать / провожать / уходить* и т. п. в *солдаты*, которая стала устойчивым выражением и наиболее частотна в фольклоре, например в частушках:

«*Повезли* меня в *солдаты* как невесту от ворот.
Заревела моя мамонька, заплакал весь народ
(Пермский край)» (КСТ, 101);

«*Взяли* милова в *солдаты*
Записали в конную
Дали лошадь вороную,
Очень беспокойную»
(Нижегородская область) (РЧ);

«*Отдадут* меня в *солдаты*,
Куда милую дѣвать?
– Попрошу я у начальника
Съ собою её взять»
(Ярославская губерния) (СДЧ, 451);

«Девушки капут, капут,
Меня в *солдаты отдадут*, –
Четыре брата, пятый я,
В солдаты очередь моя»
(Вологодская губерния) (РК 5, 590).

В песнях и плачах также встречается данное устойчивое выражение:

«Нам тепер[ь] пришло не до вас,
Во солдаты везут...везут нас.
Во солдатики нас, во некрутики.
Во невольное нас во житьё»
[Балакирев 1957: 54];

«Когда не будет, не будет,
Дружка в *солдаты увезут*.
Увезут дружка в солдатики,
Ой, с горя замуж я» (РНПВО, 113);

«И рыкнут судьи – власти не милостливы,
Средца ихни не жалостливы:
Принять да добра молодца
Во солдаты во рекрутские» [Гура 1965].

Часто употребляется словосочетание с формой *в солдаты* и в разговорной речи: «*Примут в солдаты*, так не одну неделю пируют. Ходят с гармонью из дома в дом» (с. Ключи Суксунского района Пермского края) [Черных 2001: 142]. «На прощанье игровая, обыкновенно, дарит *отправляющемуся в солдаты* парню кiset» (Вологодский уезд Вологодской губернии) (РК 5, 239).

Лексемы, обозначающие жену (невесту) ушедшего в армию

Производным от слова *солдат* термином *солдатка* обозначали жену или невесту ушедшего в армию парня, а также вдову, чей муж не вернулся со службы: «Я в *солдатках* одна жила» (Иркутская область) (СРНГ 2005, 256).

Мы с подружкой мирно жили,
Сарафаны модны шили –
Кзаки со складками,
Остались **солдатками**
(Ярославская губерния) (РК 2, 89).

Описывая особенности отбывания воинской повинности в 1897–1899 гг. в Пошехонском уезде Ярославской губернии, корреспондент «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева» А. В. Балов отметил еще одно толкование слова *солдатка*: «Самый термин **солдатка** применяется в настоящее время только исключительно к женам лиц, отслуживших старую военную службу до введения всеобщей воинской повинности» (РК 2, 344). В других же местностях *солдаткой* называли жену призванного отбывать воинскую повинность или ушедшего на войну: «**Солдатки** запрещали нарезать землю укрепившимся крестьянам, пока не возвратятся с войны мужа» [Фадеев 2014: 150]. Если муж не возвращался со службы, то в отношении вдовы также использовался термин *солдатка*: «Совсем иное положение тех **солдаток**-вдов, у которых уже нет родителей. Им уйти не к кому, и поэтому терпят они все, что придется» (РК 3, 291). Примечательно, что термин *солдатка* со временем меняет смысл. К 1940-м гг. *солдатками* стали называть исключительно вдов, чьи мужья погибли на войне: «Ну, **солдатка** – это вдова. Муж у ней погиб на войне. А если из армии ждет – подруга» (с. Тюинск Октябрьского района Пермского края) (ПМ 2018). «**Солдаткой** называют, когда на фронт провожали, погибнет ли чё – вот уж солдаткой её называли» (с. Уратьма Нижнекамского района Республики Татарстан) (Архив).

В локальных традициях существовали и другие слова, синонимичные термину *солдатка* – например *армейка* и *красноармейка*, возникшие от слова *армия*: «Вот выйдет замуж, муж уйдет в армию, она **армейка**. Ну, муж нету, солдатка или армейка. Да вот соседка наша армейка говорила» (д. Ульяновка Синагхского района Грузинской ССР) (КСРОГ, 16). «**Красноармейка**, а раньше – солдатка [называли], ежли муж в солдатах» (с. Вершинино Томского района Томской области) (ВС, 329).

В среде донских казаков бытовали термины *жалм(н)ерка* (СРНГ 1972, 65), *гулячка* (БТСДК, 122), *удалюха* (СДГВО, 165), которые также обозначал солдатку. Формы *жалнерка* [Миртов 1929: 90], *жалмерка* (СДГВО, 165), *жармелка* [Ленинов 1971: 59], *жармилка* [Соловьев 1900: 30] и т. д. из донских и курских говоров, значение которых аналогично значению слова *солдатка*, восходит к польскому «*żołnierka*» [жолнерка], которое происходит, в свою очередь, от польского «*żołnierz*» («солдат»). Примечательно,

что в современном польском языке слово «*żołnierka*» означает собственно военную службу, женщину, проходящую военную службу, а также женщину, чей муж проходит военную службу (SJP). Звук [a] в первом слоге слов *жалнерка* и т. п. возник ввиду того, что донские и курские говоры относятся к южнорусскому, акающему наречию, отчего польское [o] перешло в [a]. Звук [m] на месте польского [n] в формах *жалмерка* и т. п. является примером диссимилиации, поскольку в формах типа *жалнерка* все согласные, кроме заднеязычного [k], являются переднеязычными, в то время как [m] — губной. Форма *жармелка* возникает из-за метатезы сонорных [r] и [l], ср. русское «тарелка» с белорусским «талерка», польским «*talerz*» и немецким «*Teller*» с тем же значением. Слово *жалм(н)ерка* нейтрально окрашенное, в то время как *гулячка* содержит оценку (причем негативную) и отражает поведение женщины, проводившей в армию мужа. В исследовательской литературе и этнографических описаниях часто встречается характеристика «свободного» образа жизни солдатки: «Солдатских жен постоянно попрекали как развратниц и сексуально невоздержанных особ. Чего только стоит поговорка “солдатка затылком наволочки стирает”» [Голикова 2021: 247]; «Когда солдатка изменит своему мужу, то народ относится к ней снисходительно: «Человек она молодой, ей трудно прожить без мужа четыре года», – рассуждают про солдатку» (РК 3, 92). Термин *удалюха* выступает синонимом слова *жалмерка*. Скорее всего, данная лексема отражает характер женщины, а не только семейное положение [Морозова 2015: 133].

Другие лексемы, обозначающие ушедшего в армию

В середине XX в. молодого человека, уходящего в армию, начинают называть *призывником* или *новобранцем*: «Нонче – **призывник**, раньше – некрута. Катаются – коней своих запрягут, наядут» (д. Шахарово Суксунского района Пермского края) [Белавин и др. 2005: 8]. «Раньше так было: кому давали повестку, тот считался **новобранцем**» (с. Колунец Тетюшского района Республики Татарстан) (АКУНТ). *Призывник* в буквальном смысле – «призванный на военную службу». Словосочетание *воинский призыв* использовалось в официальных документах царской России, докладах министров, публицистике. Например, в статье В. А. Гольцева читаем: «...в 1879 году для исполнения воинского призыва было освидетельствовано около 325, 000 человек» [Гольцев 2022], в «Уставе о воинской повинности» (с добавлениями до 1915 г.) говорится: «Къ исполнению воинской повинности призывается

ежегодно одинъ только возрастъ населенія, именно молодые люди, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду к первому Января того года, когда производится призывъ» [Россия 1915: 9]. Но в народной речи термин *призывник* бытует не так широко (например, в томе 4 «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева слово *солдат* употребляется 34 раза, *рекрут* – 2, *призывник* – 1). Однако в советское время частотность употребления слова *призывник* резко возрастает. Согласно данным НКРЯ, в первые годы Советской власти (1921–1934 гг.) слово *призывник* встречается 19 раз, а в 1980–1991 – 65 раз (для сравнения *рекрут* в аналогичные периоды встречается 151 и 14 раз соответственно) (НКРЯ). Поскольку в государственную идеологию после переворота 1917 г. входило искоренение следов царского режима, это коснулось не только непосредственно реформы воинской повинности, но и замены слов, обозначающих молодых людей, проходящих действительную службу.

В некоторых случаях употребляется форма *допризывник* и производное от нее *допризывец*: «Раньше по старинному-ту жили, я от бабушки слыхала – вот, допустим, у нас есть *допризывец*, да в другой деревне, вот один к другому ездит с друзьями, с гармошкой...» (с. Ключи Суксунского района Пермского края) [Белафин и др. 2005: 8]. Эти формы также встречаются в фольклоре:

Ты играй повеселее, *допризывник* молодой,
Скоро синие вагончики приедут за тобой.
Конь вороной – грива до полу волной.
На тебе будет кататься допризывник молодой
[там же: 42].

Особое внимание следует уделить термину *наемщик* и его значению. В наемщики обычно шли молодые люди из бедных крестьян. Нанимали их богатые и зажиточные крестьяне или мещане, не желающие отдавать своего сына в армию. Наемщика отличал несколько больший размах гуляний, нежели обычного рекрута, и дозволение делать все, что захотят, безнаказанно, а до времени отправки он поступал на полное обеспечение его хозяина [Черных 2001: 143]. Данный термин вышел из употребления, когда прекратилась практика нанимать за себя (своего родственника) человека для службы в армии. Находясь на обеспечении, наемщик позволял себе многое, выходящее за установленные общиной рамки приличия. Например, Н. Харузин отмечает, что в Калужской губернии наемный рекрут, пользовавшийся «тѣмъ, что въ немъ нуждаются <...> просил у нанимающего его лица дочь, и отец соглашался, причемъ сожительство нисколько не прикрывалось тайной отъ одноподдеревенцевъ и не вызывало со стороны

последних протеста» [Этнография 1903: 82]. В д. Шахарово Суксунского района Пермского края про наемщиков рассказывали: «*Наемщик*, ево не стювай (= не ругай), чѣ он хотит, то и делат. А то не пойдет. Деньги великие за него плочены» [Черных 2001: 143].

Заключение

В русских говорах можно выделить целый пласт лексики, связанный с рекрутской обрядностью. Наиболее распространенная лексема, обозначающая уходящего в армию, – *рекрут* и ее фонетические варианты *некрут* и *лекрут* – бытовали с момента появления в русском языке вплоть до конца XX в. Возникновение и укоренение термина обусловлено введением рекрутской повинности, существовавшей полтора века. Употребление термина снижается с установлением советской власти в 20-х гг. XX в., когда на смену ему приходят лексемы *призывник*, *новобранец*. Вместе со словом *рекрут* выходят из употребления и его производные, связанные с обрядностью, – *рекрутиться*, *некрутиться*.

Лексема *солдат* и устойчивое выражение *уходить / отдавать* и т. п. в *солдаты* активно употребляется как в дореволюционный период, так и на протяжении всего XX века. Наиболее часто они встречаются в фольклорных источниках.

Были проанализированы особенности бытования терминов *солдатка* и синонимичных ему терминов *армейка*, *красноармейка*, а также *жалнерка*, *гуляха* и *удалюха*. Примечательно, что термин *солдатка* меняет свой смысл – к 40-м гг. XX в. он означает исключительно вдов солдат.

Список источников

АКУНТ – Архив кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

АОС – Архангельский областной словарь: Вып. 16 / гл. ред. О. Г. Герцова. М: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 479 с.

Архив – Архив полевых экспедиционных материалов ПФИЦ УрО РАН.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: Вып. 2 / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1984. 181 с.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики. М: Русские словари: Астрель: Изд-во АСТ, 2003. 608 с.

ВНП – Великорусские народные песни: Т. II / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: С.-Петербург. гос. тип., 1896. 588 с.

ВС – Вершининский словарь: Т. 6: Р–С / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 451 с.

ВЧ – Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М.: Издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе И. О. Л. Е. А. и Э., 1914. 539 с.

КСРОГ – Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнах. р-на ГССР) / В. А. Жидко, М. И. Мулкиджанян, А. А. Хидешели. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1977. 299 с.

КСТ – В каждой деревни чё-то да разно. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век) / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Типография купца Тарасова, 2007. 284 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 17.02.2022).

ПМ 2018 – Полевые материалы автора. Соб. Чернышева Ю.С с. Тюинск Октябрьского района Пермского края. 2018 г.

ПМ 2021 – Полевые материалы автора. Соб. Чернышева Ю. С. г. Пермь. 2021 г.

РК – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева в 9 т. / авт.-сост.: И. И. Шангина. Санкт-Петербург: «Деловая полиграфия». Т. 1. 2004. 567 с. Т. 2. Ч. 1. 2006. 608 с. Т. 3. 2005. 647 с. Т. 5. Ч. 1. 2007. 623 с. Т. 6. 2008. 600 с. Т. 7. Ч. 1. 2011. 624 с. Т. 7. Ч. 2. 2009. 624 с. Т. 7. Ч. 3. 2009. 592 с.

РНПВО – Русские народные песни Вологодской области: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд. / сост., вступ. ст., коммент. и предисл. М. Бонфельда; науч. ред. И. Земцовский; Худож. Г. и Н. Бурмагины. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние, 1973. 207 с.

РЧ – Тихомирова Е.В. Рекрутские частушки // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/museum/ethnological-museum/folklor/rekrutskie-chastushki/> (дата обращения: 15.07.2022).

СВГ – Словарь Вологодских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии: в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда: Вологодский гос. пед. ун-т. Вып. 5. 1990. 129 с. Вып. 8. 1999. 120 с.

СВРГ – Словарь вологодского режского говора: по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / авт.-сост. Е. П. Андреева и др.; науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВоГУ, 2017. 602 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 7: Л–М / авт.-сост. Е. Л. Березович, Н. В. Галинова, Л. Г. Гусева, М. Л. Гусельникова, Л. В. Доровских, С. В. Зорина, М. Э. Рут, О. А. Теуш,

Л. А. Феоктистова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 400 с.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

СДЧ – Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний / В. И. Симаков. Ярославль: Типография К. Ф. Некрасова, 1913. 671 с.

СМЛФ – Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, Л. М. Пантелеева, С. Ю. Королёва, С. В. Хоробрых. СПб.: Маматов, 2020. 368 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 5 / отв. ред. Л. В. Зубова, И. С. Лутовинова, О. А. Черепанова; Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 664 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Л.: Наука, 1972. 364 с.; вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 343 с.

СУЧГ – Словарь уездного Череповецкого говора / М. К. Герасимов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1910. 111 с.

ТСГТО 4 – Тематический словарь говоров Тверской области. Выпуск 4. / авт.-сост.: доктор филологических наук Т. В. Кириллова, кандидаты филологических наук Л. Н. Новикова, Т. В. Граблина, Е. В. Николаева, ассистенты М. Е. Щербакова, Н. Ю. Грибовская. Тверь: ТвГУ, 2005. 190 с.

ЭССТСП – Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004. 360 с.

SJP – Słownik języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 18.07.2022).

Список литературы

Балакирев М. А. Русские народные песни: Для одного голоса с сопровожд. ф.-п. / ред., предисл., исследование и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М: Музгиз, 1957. 375 с.

Бахматов А. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.

Белавин А. М. и др. Война и песня. Солдатские и военные песни и фольклорной традиции Прикамья / А. М. Белавин, И. А. Подюков,

А. В. Черных, К. Э. Шумов. Пермь: ПГПУ, 2005. 200 с.

Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: Т. 2: О–Я / сост. В. П. Бурнашев. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. 415 с.

Гаврилова Т. И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении: На материале Курского региона: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997. 207 с.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): Вып. 1 / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преженского. М.: Кругъ, 2004. 631 с.

Голикова С. В. Рекрутчина как социокультурное явление (по материалам Урала XVIII–XIX вв.). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2021. 264 с.

Гольцев В. А. Внутреннее обозрение [апрель] // Русская мысль. № 4. М.: Издатель В. А. Гольцев, 1880. URL: http://az.lib.ru/g/golxcsev_w_a/text_1880_04_vnutr_obozrenie_oldorfo.shtml (дата обращения: 18.07.2022).

Гура В. В. Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки: в 2 т. Архангельск, 1965. URL: https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_03_18.htm (дата обращения: 18.07.2022).

Гура А. В. Терминология севернорусского свадебного обряда (на общественном фоне): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 18 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 376 с.

Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 374 с.

Королёва С. Ю., Брюханова М. А. Чердынская похоронно-поминальная причеть: бытование, обрядовая лексика, мотив вестки-грамотки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 2. С. 16–29.

Корсунов А. Опыт истории отправления личной воинской повинности в России от начала государства до издания рекрутского устава, с 862 по 1831 год / соч. действительного студента прав Александра Корсунова. СПб: Типография Э. Праца, 1850. 141 с.

Ларина Л. И. Терминология и символика обрядовой пищи (на материале Курского свадебного обряда) // Фольклорная лексикография. 1995. № 4. С. 16–19.

Ленивов А. К. Донской казачий словарь-лексикон. Мюнхен: Издание автора, 1971. 326 с.

Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков: XVII. Ростов н/Д, 1929. 416 с.

Морозова Т. И. Донская казачка: языковые и фольклорные средства воплощения образа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–1(52). С. 130–134.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том IV. 1700–1712. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 881 с.

Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года. Т. 4: Устав о воинской повинности. / Россия. Законы и постановления. Петроград, 1915. 293 с.

Соловьев В. Ф. Особенности говора донских казаков. СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. 52 с.

Фадеев Д. И. Солдатки Первой мировой войны в социальных конфликтах на примере Симбирской губернии. 1914–1917 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 146–155.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Финько О. С. Свадебный обряд Кубани: опыт этнолингвистического исследования: монография. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубан. гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2015. 202 с.

Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов, отв. ред. С. П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 2001. С. 142–149.

Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском университете / Николай Харузин; под ред. Веры и Алексея Харузиных. Вып. 2: Семья и род. СПб.: Гос. тип., 1903. 340 с.

Юшков П. И. Обычай проводов рекрута // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур: Искра, 1926. № 11–12. С. 28–31.

References

Balakirev M. A. *Russkie narodnye pesni: Dlya odnogo golosa s soprovozhdeniem fortepiano* [Russian Folk Songs: For One Voice with Forte Piano Accompaniment]. Moscow, Muzgiz Publ., 1957. 375 p. (In Russ.)

Bakhmatov A. A. et al. *Russkie v Komi-Permyatskom okruge: obryadnost' i fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russians in Komi-Permyak Okrug: Rites and Folklore: Materials and Studies]. Perm, 'OTiDO' Publ., 2008. 502 p. (In Russ.)

Belavin A. M. et al. *Voyna i pesnya. Soldatskie i voennye pesni v fol'klornoy traditsii Prikam'ya* [War

and Song: Soldiers' and Military Songs in the Folklore Tradition of Prikamye]. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2005. 200 p. (In Russ.)

Burnashev V. P. *Opyt terminologicheskogo slovaryaya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [Experience of the Terminological Dictionary of Agriculture, Manufacturing, Crafts, and Everyday Life of the People]. Comp. by V. P. Burnashev. St. Petersburg, K. Zhernakov's Publishing House, 1844, vol. 2. 415 p. (In Russ.)

Gavrilova T. I. *Terminologiya pokhoronno-pominal'nogo obryada v etnolingvisticheskom osveshchenii: na materiale Kurskogo regiona*. Diss. kand. filol. nauk [Terminology of the funeral-memorial ritual in the light of ethnolinguistics. Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 1997. 207 p. (In Russ.)

Gistoriya Sveyskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo) [History of the Sweden War (Daily Notes of Peter the Great)]. Comp. by T. S. Maykova, ed. by A. A. Prezhenskiy. Moscow, Krug' Publ., 2004, issue 1. 631 p. (In Russ.)

Golikova S. V. *Rekrutchina kak sotsiokul'turnoe yavlenie (po materialam Urala 18–19 vv.)* [Conscription as a sociocultural phenomenon (based on the Ural materials of the 18th – 19th centuries]. Yekaterinburg, Institute of History and Archeology UB RAS Press, 2021. 264 p. (In Russ.)

Gol'tsev V. A. *Vnutrennee obozrenie [aprel']* [Internal review [April]]. *Russkaya mysl'* [Russian Mind], 1880, issue 4. Available at: http://az.lib.ru/g/golxcw_w_a/text_1880_04_vnutr_obozrenie_old_orfo.shtml. (accessed 18 Jul 2022). (In Russ.)

Gura V. V. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo Vologodskogo kraja: skazki, pesni, chastushki* [Poetic Folklore of the Vologda Region: Fairy Tales, Songs, Chastushkas: in 2 vols.]. Arkhangelsk, 1965. Available at: https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_03_18.htm (accessed 18 Jul 2022). (In Russ.)

Gura A. V. *Terminologiya severnorusskogo sva-debnogo obryada (na obshchestvennom fone)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Terminology of the Russian North wedding rite (against the public background). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1978. 18 p. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed., rev. and exp. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 376 p. (In Russ.)

Kormina Zh. V. *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza* [Seeing-off to the Army in Post-Reform Russia. Experience of Ethnographic Analysis]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 374 p. (In Russ.)

Koroleva S. Yu., Bryukhanova M. A. *Cherdynskaya pokhoronno-pominal'naya prichet': bytovanie, obryadovaya leksika, motiv vestki-gramotki* [Traditional funeral laments of Cherdyn area: Current status, ritual lexis, 'letter-message' motif]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 2, pp. 16–29. (In Russ.)

Korsunov A. *Opyt istorii otpravleniya lichnoy voinskoy povinnosti v Rossii ot nachala gosudarstva do izdaniya rekrutskogo ustava, s 862 po 1831 god. Soch. deystvitel'nogo studenta prav Aleksandra Korsunova* [Experience of the History of the Personal Military Service in Russia from the Beginning of the State to the Publication of the Conscription Charter, from 862 to 1831. Essay of a Student of Law]. St. Petersburg, 1850. 141 p. (In Russ.)

Larina L. I. *Terminologiya i simbolika obryadovoy pishchi (na materiale Kurskogo sva-debnogo obryada)* [Terminology and symbolism of ritual food (based on the material of the Kursk wedding rite)]. *Fol'klornaya leksikografiya* [Folklore Lexicography], 1995, issue 4, pp. 16–19. (In Russ.)

Lenivov A. K. *Donskoy kazachiy slovar'-leksikon* [The Don Cossacks' Lexicon Dictionary]. Munich, 1971. 326 p. (In Russ.)

Mirtov A. V. *Donskoy slovar': Materialy k izucheniyu leksiki donskikh kazakov: XVII* [The Don Dictionary: Materials for research on Don Cossacks' vocabulary: XVII]. Rostov-on-Don, 1929. 416 p. (In Russ.)

Morozova T. I. *Donskaya kazachka: yazykovye i fol'klornye sredstva voploshcheniya obraza* [Don Cossack woman: Language and folklore means of image personification]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, issue 10–1(52), pp. 130–134. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. St. Petersburg, Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830, vol. 4 [1700–1712]. 881 p. (In Russ.)

Rossiya. *Zakony i postanovleniya. Svod zakonov Rossiyskoy imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Izdanie 1915 goda. T. 4: Ustav o voinskoy povinnosti* [Russia. Laws and Regulations. The Code of Laws of the Russian Empire Compiled by Order of the Emperor Nicholas I. Edition of 1915. Vol. 4: The Charter on Military Service]. *Rossiya. Zakony i postanovleniya* [Russia. Laws and Regulations]. Petrograd, 1915. 293 p. (In Russ.)

Solov'ev V. F. *Osobennosti govora donskikh kazakov* [Features of Don Cossacks' Dialect]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1900. 52 p. (In Russ.)

Fadeev D. I. *Soldatki pervoy mirovoy voyny v sotsial'nykh konfliktakh na primere Simbirskoy gubernii. 1914-1917 gg.* [Mothers and wives of soldiers of World War I in social conflicts in Simbirsk governorate. 1914–1917]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2014, issue 2, pp. 146–155. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka.* [Etymological Dictionary of the Russian language. In 4 vols.]. Transl. from Germ. and suppl. by O. N. Trubachev. 2nd stereot. ed. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. 3. 832 p. (In Russ.)

Fin'ko O. S. *Svadebnyy obryad Kubani: opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya: monografiya* [Wedding Rite of the Kuban: Experience of Ethnolinguistic Research: Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, Branch of Kuban State University in Slavyansk-na-Kubani Press, 2015. 202 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. *Povedencheskie normy v rekrutskoy obryadnosti (po materialam Permskogo Prikam'ya)* [Behavioral norms in recruit rites (on the

materials of Perm Prikamye)]. *Muzhskoy sbornik. Vypusk 1. Muzhchina v traditsionnoy kul'ture: Sotsial'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoy fol'klor* [Men's Collection. Issue 1. Man in Traditional Culture: Social and Professional Statuses and Roles. Power and Authority. Male Attributes and Forms of Behavior. Male Folklore]. Comp. by I. A. Morozov, ed. by S. P. Bushkevich. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 142–149. (In Russ.)

Etnografiya: lektzii, chitannye v Imperatorskom Moskovskom universitete [Ethnography: lectures delivered in the Imperial Moscow University]. Nikolay Kharuzin; ed. by Vera and Aleksey Kharuzins. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1903, issue 2: *Sem'ya i rod* [Family and kin]. 340 p. (In Russ.)

Yushkov P. I. *Obychay provodov rekruta* [Recruit seeing-off custom]. *Kungursko-Krasnoufimskiy kray* [Kungur-Krasnoufimsk Region]. Kungur, Iskra Publ., 1926, issues 11–12, pp. 28–31. (In Russ.)

Russian Vocabulary of Recruit Rites in Language and Folklore (based on materials of the 20th–21st centuries)

*The study was funded by a grant of the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00117
'Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts of the Urals and the Volga region'*

Yuliya S. Chernysheva

Researcher

**Institute of Humanities Research of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. yulyachernysheva99@gmail.com

SPIN-code: 1469-5611

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

ResearcherID: AEN-0642-2022

Ivan A. Chernykh

Researcher

**Institute of Humanities Research of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. iwan_czernych@vk.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-5512>

Submitted 22 Jul 2022

Revised 17 Sep 2022

Accepted 21 Sep 2022

For citation

Chernysheva Yu. S., Chernykh I. A. Russkaya leksika rekrutskoy obryadnosti v yazyke i fol'klore (na materialakh XX–XXI vv.) [Russian Vocabulary of Recruit Rites in Language and Folklore (based on materials of the 20th–21st Centuries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 64–74. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-64-74 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes Russian vocabulary of recruit rites in language and folklore based on the materials of the 20th–21st centuries. This lexical layer is practically not studied in Russian science. The purpose of the work is to explore the etymology of the words *rekrut*, *nekrut* (i.e. a recruit, a novice) and the functioning of lexemes used to denote a young man going into the army and his wife (bride). The chronological approach of the study allows us to trace the functioning of the terms of recruit rites from the moment of their appearance in the language and folklore in the 18th century to the present. The analysis is based on data from folklore sources, field materials of ethnographic expeditions, official documents, and fiction.

The entire lexical array was divided into four thematic blocks: 1) the word *rekrut* <recruit> and its derivatives in language and folklore; 2) the word *soldat* <soldier> and its derivatives in language and folklore; 3) lexemes denoting the wife (bride) of a man who has left for the army; 4) other lexemes denoting those who have left for the army. The first block examines the etymology of the word *rekrut* and its derivatives, the peculiarities of the functioning of these lexemes in Russian dialects and folklore sources. The second block contains an analysis of the word *soldat* and the set expressions *ukhodit' / otdavat' v soldaty* (can be literally translated as *to leave to be a soldier / to send somebody to be a soldier*) as used in folklore texts. The third block examines the lexemes denoting the wife (bride, widow) of a soldier in Russian dialects. The fourth block contains other lexemes denoting a person who has left for the army – *prizyvnik*, *novobranets* (i. e. a conscript, newly drafted recruit) etc., and the features of their use in Soviet Russia.

Key words: Russian dialects; *rekrut*; *nekrut*; *soldat*; *soldatka*; recruit; novice; soldier; recruit rites, seeing off to the army; soldier's wife.